

УДК 159.9

**II ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ» 29 СЕНТЯБРЯ – 1 ОКТЯБРЯ 2011 Г.
САМАРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЛЕНАРНЫХ ДОКЛАДОВ,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ)**

© 2012 Г.В.Акопов, Е.В.Бакшутова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 01.03.2012

Материал подготовлен в рамках отчета РФФИ по проекту № 11-06-06064 г (руководитель проекта Г.В.Акопов), и содержит информацию о II Всероссийской конференции по сознанию, прошедшей в Самаре осенью 2011 г. Представлено содержание докладов второго и третьего пленарного заседания: раскрываются различные аспекты предметного поля сознания, проблемы изучения: парадигмальные тенденции, методология, генезис, двойственность субъекта–объекта, генеалогия современного Я.

Ключевые слова: проблема сознания, парадигмальные тенденции, осознание, смысл, созерцание, нравственность.

Вторую часть пленарного заседания открыл доклад В.И.Панова «Сознание как предмет психологического исследования: гносеологический, онтологический и трансцендентальный аспекты». Докладчик выделяет три наиболее общие парадигмальные тенденции: гносеологическую, онтологическую и трансцендентальную. Методологической предпосылкой гносеологической парадигмы исследования сознания выступает отношение «субъект – объект», трансформированное в психологии в отношении «субъект сознания – объект сознания». Принципиальной особенностью данного отношения как исходной предпосылки построенных на нем подходов к изучению сознания является изначальная заданность его компонентов в противопоставлении их друг другу – субъект-объектная логика рассуждений. При этом сознание в этом случае рассматривается не как самостоятельная реальность, а как атрибут психики человека. Методологическая ограниченность данной парадигмы очевидна, и именно в работах В.П.Зинченко, критикующего ее, мы находим обоснование необходимости онтологизации проблемы сознания, т.е. необходимости перехода к онтологической парадигме его изучения – сознания как формы бытия. Для этого Владимир Петрович акцентирует внимание на том, что сознание не только отражает окружающий мир и бытие, но и творит его. В данной парадигме сознание исходно рассматривается как особая форма бытия,

которая является высшей формой развития психики и которая обретает реальность своего существования во взаимодействии человека со средой. Это означает, что система «человек – окружающая среда» сама выступает как форма бытия, способная, как и любая форма бытия, проходить стадии (по)рождения, развития и смерти (т.е. перехода в иную форму бытия). И в этом смысле система «человек – окружающая среда» выступает как целостный онтологический субъект становления психической реальности «в зазоре» между ее компонентами, каждый из которых выступает одновременно как результат и условие развития другого... Становление сознания происходит как такое изменение психики индивида, когда его процессы восприятия, переживания и поведения функционально объединяются (интегрируются) в психические состояния, а психические состояния превращаются в структурные компоненты сознания. Это есть онтологическая основа формирования любого типа сознания, независимо от его содержания и от его носителя. В качестве примера такого онтологического становления сознания можно привести работу психотренинговых групп, активные (групповые) методы обучения, «мозговой штурм» и т.п. методы порождения психических новообразований в межсубъектном пространстве совокупного (группового) субъекта.

Чтобы дать характеристику трансцендентальной тенденции парадигмального развития проблемы сознания, В.И.Панов возвращается к понятиям «человек» и его «природа». С одной стороны, природа выступает для человека средством развития его природных (в смысле, сущностных) возможностей творения новых природных объек-

*°Акопов Гарник Владимирович, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, декан факультета психологии. E-mail: info-psy@rambler.ru
Бакшутова Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: bakshutka@gmail.com*

тов, и в том числе самого себя. С другой стороны, человек, развивая свои природные возможности, выступает по отношению к природе средством ее саморазвития как процесса порождения новых форм ее самоосуществления, в данном случае – форм психического отражения, поведения, сознания, а также антропогенной среды, и даже ноосферы.

В последнем случае подразумевается, что становление системы «человечество – планета» выступает как порождение целостного субъекта, реализующего в своем развитии универсальные, общеприродные принципы становления форм бытия, включая бытие человека и психику как форму бытия, и тем самым способного к саморазвитию через порождение субъекта совместного становления психической реальности, посредством взаимодействия между человеком и окружающей средой. Примерами порождения такого субъекта совместного развития могут служить универсальные принципы развития природных форм бытия. В силу своей универсальности эти принципы проявляются в закономерностях развития как Человека и его психики, так и других природных форм, включая Планету, но не сводятся к ним, что собственно и определяет их трансцендентальный характер.

В.Ф.Петренко в качестве ключевой методологической проблемы изучения сознания выделяет двойственность, в частности «субъект-объект». На смену изживающим себя понятиям – «объективная действительность», «социальная реальность» – приходят новые понятия, такие как: «жизненный мир», «возможные миры», «ментальные пространства», «семантические пространства», «смысловые миры личности», где позиция пристрастного, обладающего системой ценностей и личным смыслом субъекта включена в саму психологическую онтологию. В этом плане психологическая наука на данном этапе своего развития как никогда нуждается в методологическом переосмыслении своих основ, в выдвигании кардинально новых моделей и гипотез. Это в первую очередь касается проблемы сознания. Системный, целостный характер самого объекта изучения – сознания – по мнению В.Ф.Петренко, делает малопродуктивным путь его эмпирически-поэтапного познания. Мы с помощью слов (терминов) расчлняем единое сознание, «множим сущее без нужды», нарушая принцип «бритвы Оккама», а затем ищем корреляции этих псевдосущностей (ощущения, восприятия, мышления, памяти и т.п.). Научное развитие этой области, отмечает докладчик, нуждается в «восхождении от абстрактного к конкретному», не в верификации отдельных эмпирических фактов, а в проверке следствий, вытекающих из теоретических построений. Чтобы охватить целостность изучаемой сверхсложной реалии, неизбежно приходится за-

ниматься теоретическими спекуляциями и использовать метафорический язык. Использование измененных форм сознания (и как следствие этого накопление опыта работы с состояниями сознания) присуще различным религиям. Измененные состояния сознания достигаются различными психотехниками – от поста, медитации и молитвы, сенсорной депривации, до динамических медитаций. В христианстве лицезрение святых, де-вы Марии или видения страданий самого Христа многократно описывались в религиозной литературе и рассматривались не как следствие собственной активности верующего, а как форма благодати, когда сам святой являет себя человеку.

В.Ф.Петренко подчеркивает, что «вербальное сознание дискретно и дискурсивно семиотично. Оно категоризует мир, исходя из логики языка, дискретного по своей природе, и следует логике этого языка, заложенной в синтаксисе и грамматике. Однако, как показывают религиозные практики, медитация и психотерапия, помимо опосредованного языком канала мировосприятия, существует и канал (или каналы) прямого, неопосредованного знания. Неопосредованное знание имеет две формы или аспекта, которые можно условно обозначить как горизонтальный и вертикальный. Горизонтальный канал – интуиция (в терминах Анри Бергсона и Лосского) или эмпатия, позволяющий одному живому существу сопереживать, сочувствовать другому, ощущать боль и страдание другого существа, чувствовать его эмоциональное состояние. Вертикальный канал неопосредованного, лишённого категоризации познания связан с полным прекращением какой либо ментальной активности. Концентрация внимания на непредметный объект (типа плоскости или пространства определенной окраски) ведет к остановке потока мыслей, образов. Сознание буддиста, лишённое двойственности и каких либо форм категоризации раскрывается как беспредельный покой и свобода, свобода от кармических перевоплощений и освобождение от сансары. Сознание ученого, испытав искушение нирваной (подобно бодхисаттве оставшемуся в миру ради просвещения всех живых существ) и пережив внеопикуемость трансперсонального опыта, тем не менее, пытается «заглянуть» в возможные формы внеземного бытия, обратив взор «внутрь самоё себя», внутрь собственного сознания.

Е.А.Сергиенко в своем докладе в качестве ключевой проблемы выделила изучение генеза сознания, имеющего особенное значение для понимания природы сознания и его механизмов. Развитие сознания – это непрерывный процесс становления психической организации, понимания Себя, Другого и Мира. Сознание является атрибутом субъекта. Раскрывая непрерывность становления субъектности, мы можем продвигаться в понимании природы сознания. Осо-

знание осуществляется субъектом, центром которого выступает структура Я. Познание Себя и Другого занимает определяющее место, но может существовать и в недифференцированной (интуитивной форме). Собственно способность представлять внутренний мир Других ведет к значимому расширению собственного внутреннего мира. Эта способность добавляет в эволюции совершенно другой уровень развития психического. Это ведет к возможности научения знаниям Других. Подобная возможность перенять знания Других дает не только бесспорный выигрыш в кооперации, развитии сообщества и собственного внутреннего мира, но и возможность к манипулированию Другими людьми. Обман становится возможен только на уровне понимания модели психического Другого. Внешнее же поведение обмана демонстрируют и высшие животные.

Е.А.Сергиенко подчеркивает, что когнитивные отличия животных от человека могут быть суммированы следующим образом: 1) Нет способности к общей интенциональности, но понимание простейших интенций есть; 2) Бедность триадических отношений Я-объект-Другой; 3) Ограничение развития самосознания на уровне опознания себя (мое); 4) Ситуативно-зависимые ментальные репрезентации; 5) Ситуативное прогнозирование ближайшего будущего. Следовательно, даже высшие животные достигают только уровня двухлетнего ребенка в развитии модели психического. Развитию модели психического в онтогенезе человека предшествуют также становление компонентов данной системы: выделение себя из окружающего мира (Я-экологическое), понимание взора как указателя, указывание, развитие понимания различий между физическим действием «смотреть» и ментальным результатом «видеть», переживание общих психических состояний (триадические отношения: Я – интерперсональное), развитие отсроченных действий, понимание различий между миром людей и вещей, понимание намерений своих и Другого, псевдиалоги в общении, различие между Я–познающим и Я– как объектом познания. Все эти компоненты составляют единую когнитивно-аффективную систему, которая включает все новые составляющие психического развития, что приводит к качественному усложнению системы, порождая понимания психического Себя и Других (модель психического) и понимаю законов физического мира.

Центральной проблемой в докладе В.А.Шкуратова выступает генеалогия современного Я. По словам докладчика, в первом приближении, намечается различие между ближней и дальней генеалогиями современного Я. Самая дальняя начинается у той черты, где Я несовременно, а мо-

жет быть, и ещё совсем не Я. По нити этимологий мы доходим до развилки, где предконцепт души упирается в разделение на живые телесные души и эсхатологического двойника тела, предназначение которого – существовать в ином мире, когда жизнь в этом прекратится.

Древнее Я – не централизованное, моноцентрическое. Оно выращивается на локальных культовых площадках. В древнейших цивилизациях личность и её сознание, на современной взгляд, даны неполно, отрывочно, то и дело теряются в каких-то мифах, легендах, диких метафорозах и трансакциях. Это потому, что наш взгляд настроен на индивидуально собранные ментальные структуры, отраженные в жизненных историях и личных досье. Существуют иные отражения человека. В них есть система, но не та, к которой мы привыкли. Её можно назвать полипсихической. Полипсихизм как система досовременной (возможно, и постсовременной) психологии – одновременно ментальный склад эпохи и знания о нём.

Современное знание возникает в Новое время и пересоздаёт также и знание прошлого в пределах науки об унифицированном моноцентрическом субъекте. Полипсихея досовременности дисциплинировалась и централизовывалась самыми суровыми мерами и, в конце концов, перешла в современную монопсихею, в систему производства унифицированных субъектов. Рывок вперед – к современной психологии – и категориальный конструкт превращается в антропотехнический. Различия двух генеалогических линий сглажено эмпирико-прагматической направленностью знания, но шов не зарастает. Непрерывные атаки бихевиористских ориентаций на странный картезианский симбиоз сознания и телесной машины наводят на мысль, что в пределах современной психологии линии психеистики и эгологии не синтезируются, как гегелевские тезис и антитезис, а только сосуществуют, сходясь и расходясь.

Сейчас у современного Я появляется следующая ближняя генеалогия. Она уже не позади, а впереди, в постсовременности. Площадки постсовременного Я – преимущественно медийные. На них произрастает гипертрофированное эго, которое опять раздроблено, – не по культовым святыням, а по сайтам, форумам, сетям. Различие между современной психологией и постсовременной в том, что первая помещает человека в координаты познавательных верификаций и продуктивной эффективности, а вторая акцентирована на общении.

Третью часть пленарного заседания открыл доклад А.Ю.Агафонова, отметившего, что изучение феномена осознания тесно коррелирует с проблемой «Я», которое присутствует в каждом

осознанном переживании, во всяком случае, у психически здоровых людей. Благодаря способности осознавать, Я проявляется через имманентно заключенное в осознании авторство собственных когнитивных и моторных действий. Таким образом, субъект благодаря чувству субъективной очевидности не может сомневаться в факте наличия в актуальный момент времени своих осознанных переживаний. Осознание гетерогенно и сопровождается любыми формами познавательной активности. В этом смысле, это универсальный феномен, поскольку, имея модальную или иную специфику, осознание всегда сопровождается субъективной наличностью переживаний, их очевидной явленностью в данный момент времени. Несомненно, что человек по-разному осознает свои ментальные состояния или внешние воздействия. Например, различие в интенсивности двух акустических воздействий осознается иначе, чем волнение на первом свидании. Однако в теории общего порядка, или как обычно говорят, в общепсихологической теории, не только допустимо, но и необходимо игнорировать эмпирическое многообразие осознаваемого опыта. Никакая теория не может охватить все индивидуальные случаи. В теории должна фиксироваться эмпирическая инварианта. В данном случае, такой инвариантой является осознанность как таковая.

Осознание следует понимать не как процесс, а как эффект, как следствие деятельности когнитивного аппарата («разума»), в который включена структура сознания. Процесс порождения осознанного переживания всегда экранирован от осознания, т.е. является неосознаваемым, хотя не будет ошибкой считать этот процесс сознательным. (Если, конечно, принимать предлагаемую терминологию). Другими словами, к осознанию приводит неосознаваемый процесс сознания. Понятием «сознание» предлагается обозначать мыслимую, т.е. гипотетическую систему механизмов, согласованная работа которых не осознается, но производит конечные психические продукты – осознаваемые переживания. Понятие «сознание» является теоретическим понятием и его использование оправдано в рамках объяснения феномена осознания... Устанавливая соответствия между ключевыми понятиями, следует особо акцентировать внимание на том, что сознание – это лишь часть бессознательной психики, функциональный аппарат которой предлагается обозначать термином «разум» (mind). Сознание – функциональный блок разума, обеспечивающий принятие решения об осознании и исполнение этого решения. Как и любые процессы, осуществляемые разумом, процессы принятия решения и рефлексии принятого решения, не осознаются. Другими словами можно сказать, что работа всех психических механизмов, благодаря

которым возникают осознанные переживания, никогда не является осознаваемой.

Сознание в онтологии теории должно составлять оппозицию не бессознательному, т.к. сознание и когнитивное бессознательное образуют вместе сферу неосознаваемого, а области актуального осознаваемого опыта. Таким образом, предлагается различать осознание (awareness) как эффект или как эмпирический факт субъективного переживания какого-либо воздействия или внутреннего состояния и сознание (consciousness) как теоретический термин, которым обозначается гипотетическое устройство, входящее в структуру разума. Функционирование сознания никогда не переживается чувственно и может быть только теоретически реконструировано.

Последующие доклады носили характер теоретических и эмпирических спецификаций проблемы сознания, и в контексте определения предметной области психологии сознания, а также методологии и метода, внесли важный конкретизирующий вклад в общий процесс обсуждений. Б.С.Братусь и Н.В.Инина представили доклад «Пространство веры как составляющая сознания человека». Б.С.Братусь отметил, что вера – не только религиозный феномен, но общепсихологический. По его словам, «человеку необходим целостный образ будущего, который поддерживается и живет в нем, с которым у него имеется эмоциональная, теплая связь, в который он верит, несмотря на колебания, ослабление воли, разумные призывы приостановить или вовсе прекратить деятельность.». Религиозная вера возникает потому, что человек обладает психологической способностью верить и эта способность есть внутренний компонент, условие любой сколь угодно сложно организованной деятельности. Что касается различий религиозной и нерелигиозной веры, то в качестве главного отмечается следующее. «Если нерелигиозная вера, нерелигиозные предметы, образы веры чаще соотнесены со смыслообеспечением текущих деятельностей, то религиозная вера по самой своей сути всегда восходит, проясняет, получает связь с конечными предельными вопросами жизни и смерти, создавая, удерживая духовную сферу как завершение, «купол» человеческого облика. Важно понимать при этом, что религиозная вера в реальности может взаимодействовать, соседствовать с другими, вполне обыденными формами, наконец, лишь номинально называться таковой, а на деле представлять предрассудки и суеверие. И здесь мы переходим в область, которую непосредственно можно назвать психологией религии или – более узко – психологией религиозного сознания».

Н.Н.Вересов в своем выступлении затронул ряд специфических проблем. Представив новые зарубежные издания по проблеме сознания, анно-

тирующие разрешимость проблемы («Сознание объяснено», «Понимая сознание», «Гонка за сознанием» и др.), он отметил, что многочисленные попытки обнаружить сознание в мозге привели к тому, что современная психология, как констатируют некоторые зарубежные авторы, потеряла психологическое содержание (душу). Вновь актуализировался вопрос о национальных науках, в связи с чем корректнее говорить о науке в той или иной стране, но о не национальной науке в целом. Впрочем, если говорить о проблеме сознания, то в западных журналах 95% исследований, посвященных сознанию, относится к когнитивным исследованиям, а остальным, в частности, культурно-исторической детерминации сознания – всего 5%; в России – наоборот, т.е. определенная национальная специфика существует. Главная часть выступления Н.Н.Вересова была посвящена экспериментально-генетическому методу изучения высших психических функций. Культурно-исторический подход в школе Л.С.Выготского выступает как методологическая альтернатива традиционным классическим экспериментальным методам. Культурно-исторический подход к исследованию высших психических функций предъясняет целый ряд серьезных не всегда отчетливо артикулируемых методологических требований к построению, организации и проведению конкретных экспериментальных исследований, и эти требования существенно отличаются от тех, на основе которых строятся классические экспериментальные исследования в области психологии развития. Экспериментально-генетический метод является, в этом смысле, составной частью культурно-исторической теории.

Первая особенность экспериментально-генетического метода состоит в том, что он направлен не на анализ структуры уже сложившейся, развитой высшей функции, а на экспериментальное исследование её генезиса (процесса её возникновения и развития) и, через это, на выявление её системного строения.

Второй существенной чертой экспериментально-генетического метода является его направленность не на анализ внешних проявлений психических процессов, а на вскрытие в процессе исследования реальных каузально-динамических и генетических связей, определяющих эти внешние проявления. Третья отличительная особенность экспериментально-генетического метода заключается в том, что он позволяет экспериментально исследовать психические процессы таким образом, чтобы за их внешним (фенотипическим) сходством вскрывать различия в их психологической природе. Рассмотрев (в самом общем виде) основные отличительные черты и особенности экспериментально-генетического метода исследования высших психических функций, мы можем

видеть, каким образом этот метод соотносится с культурно-исторической теорией в целом. Главное здесь состоит в том, что этот метод направлен на исследование самого процесса происхождения и развития высших психических процессов, то есть на то, что является предметом культурно-исторической теории. В этом смысле и теория (с системой понятий и принципов) и экспериментальный метод составляют единое целое, то есть определяют методологию теоретического и экспериментального исследования процессов психического развития.

В докладе И.Н.Карицкого феномен созерцания был рассмотрен как форма сознания. Докладчик отметил, что всякое явление может быть рассмотрено с разных теоретических позиций, и это предопределяет существенные моменты его понимания. Исходя из достоверности сознания для субъекта (Р.Декарт, И.Кант, Э.Гуссерль, Я.А.Слинин), И.Н.Карицкий в противовес когнитивным подходам современной психологии, определил сознание как нефизическое пространство существования «Я» и выделил пять форм сознания по степени и особенностям его активности: практическое, познающее, относящееся, нейтральное и созерцающее сознание. Автор подробно остановился на феномене созерцания внутренней реальности, заметив, что понятие созерцания практически утрачено в современной культуре и что в XX веке совершилась своеобразная редукция, выхолащивание содержания данного понятия. Тем не менее, в некоторых достаточно закрытых областях социальной жизни этот феномен продолжает существовать, малоизвестный окружающему миру. В частности, в христианской традиции под созерцанием понимается «молитвенно-благодатное сосредоточение души на надумных тайнах» или «духовное зрение» (Иустин). И.Н.Карицкий под созерцанием понимает форму сознания, в которой сознание не изменяет объект созерцания, не исследует его, не относится к нему, но погружается в него, поглощается им, проникает в него, постигает его, наполняется им, отождествляется с ним, сливается с объектом созерцания. Созерцание не вербально, не рационально, реализуется на высших ступенях как тождество субъекта и объекта. Созерцание есть непосредственное постижение, усмотрение сущности объекта в его целостности. Оно является сосредоточенной внимательностью на фоне общей ослабленности, оно является ненапряженным. Созерцание является слаборефлексивным на низших ступенях, и не рефлексивным – на высших. Оно тождественно интуиции в некоторых ее трактовках. Оно выступает как тотальная поглощенность объектом. Созерцание невозможно изучать обычными объективными методами науки. Опыт созерцания сложно донести до обыденного сознания

без искажений. Существуют ступени глубины созерцания. Практики созерцания требуют специальных умений. Современный человек лишен этих умений. Но именно созерцание приближает человека к пониманию самого себя.

Завершающим пленарное заседание был доклад А.П.Назаретяна «Сознание, социальное насилие и мораль». Докладчик заметил, что избегает слово «сознание», т.к. оно слишком многозначно, и предпочитает слово «интеллект». А интеллект в настоящее время решающим образом зависит от смыслообразования. Тезисы о филогенетическом росте человеческого сознания (интеллекта) и особенно – о сопряжённом совершенствовании культурных регуляторов объединяют в оппозиции эволюционному мировоззрению модные сегодня течения постмодернизма и фундаментализма. Те и другие, решительно отвергая идею социально-исторического прогресса. При этом первые настаивают на равноценности всех культур и на задаче сохранять их в неизменном виде, а вторые призывают вернуться к светлому прошлому, к религиозным ценностям и мнимой гармонии людей с природой и друг с другом. Вопрос о том, действительно ли человеческое сознание и культурные ценности совершенствовались на протяжении истории, переходит, таким образом, из сугубо академической сферы в сферу практической политики и глобального прогнозирования. Изучение антропогенных катастроф в различных исторических эпохах и в различных регионах планеты обнаружило системную зависимость между тремя переменными: «силой»,

«мудростью» и «жизнеспособностью». А именно, чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества. Так кратко формулируется закон техно-гуманитарного баланса.

Формальный аппарат модели демонстрирует, что с технологическим потенциалом возрастает внешняя устойчивость общества – устойчивость по отношению к флуктуациям в природной и геополитической среде. Вместе с тем, если возросшая мощь технологий не уравновешена соразмерным качеством культурных регуляторов, то общество становится более уязвимым по отношению к колебаниям массовых настроений, неудачным решениям авторитетных лидеров и т.д., т.е. снижается его внутренняя устойчивость.

Прослеживая, как от этого исходного полюса развивались человеческие отношения, мы фиксируем серию переломных исторических эпизодов, обеспечивших в каждом случае выход технологически передовых обществ из эволюционного тупика. Люди до сих пор не перебили друг друга и не разрушили природную среду обитания благодаря тому, что умели раз за разом, накапливая опыт драматических коллизий, приводить гуманитарный интеллект в относительное равновесие с интеллектом инструментальным. Проще говоря, все мы обязаны своим существованием тому, что человечество до сих пор умудрялось «с грехом пополам» отвечать на вызовы технологического развития...

II RUSSIAN NATIONAL CONFERENCE «PSYCHOLOGY OF CONSCIOUSNESS: CURRENT SITUATION AND PROSPECTS» 29TH SEPTEMBER – 1ST OCTOBER, 2011 SAMARA (ON MATERIALS OF PLENARY SESSION REPORTS, PART II)

© 2012 G.V.Akopov, E.V.Bakshutova^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The material is prepared within the limits of the report of the Russian Federal Property Fund under the project 11-06-06064 r (the head of the project is G.V.Akopov), and carries the information about II All-Russia conference on the consciousness, that was in Samara in the fall 2011. There's presented the content of reports of the second and the third plenary session: various aspects of a subject field of consciousness and problems of studying are revealed: paradigm's tendencies, methodology, genesis, a duality of the subject-object, genealogy of modern I.

Keywords: a problem of consciousness, paradigm's tendencies, comprehension, sense, contemplation, morality.

^o *Garnik Vladimirovich Akopov, Doctor of Psychology, Professor, the Honored worker of science of the Russian Federation, the dean of faculty of psychology. E-mail: info-psy@rambler.ru
Ekaterina Valerevna Bakshutova, Candidate of psychological sciences, the assistant professor. E-mail: bakshutka@gmail.com*